

И. А. Мироненко

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ Б. Г. АНАНЬЕВА В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В 2007 г. исполняется 100 лет со дня рождения Б. Г. Ананьева. Для петербургских психологов личность Б. Г. Ананьева — существенный элемент образа психологической науки, фактор формирования их профессионального самосознания. Ученики и последователи Бориса Герасимовича несут в себе свет его личности, передают трепетное отношение к учителю новым поколениям. Однако потенциал решения насущных вопросов современного развития психологической науки в целом (как отечественной, так и мировой), которым обладает методология Б. Г. Ананьева, представляется недостаточно раскрытым.

В настоящей статье место и значение методологии Б. Г. Ананьева рассматривается в двух взаимосвязанных планах:

- в структуре профессионального самосознания современных российских психологов;
- в контексте актуальных проблем и тенденций развития зарубежной психологии.

Для отечественной психологии современный период является в определенном смысле парадоксальным: это, во-первых, время интеграции мировой науки после так называемого кризиса психологии, во-вторых, это время распада прежде единой школы¹, сложившейся в СССР.

В результате длительной изоляции² современный процесс интеграции мировой науки для отечественной психологии оказался вызовом самому ее существованию в качестве самобытной школы. Процесс срастания российской науки с зарубежной продолжается и набирает силу, но процесс этот имеет односторонний характер. В России переводят, излагают и включают в образовательные программы концепции западных авторов, встречное же движение фактически отсутствует. Отечественная психология советского периода за рубежом остается недостаточно известной: крупные ученые советского периода (за редким исключением ряда классиков, таких как И. П. Павлов, А. С. Выготский, А. Р. Лурия, чьи теории интегрированы в мировую науку и живут там собственной жизнью) практически не цитируются, не упоминаются в известных периодических изданиях.

Актуальной тенденцией является и утрата отечественной психологией претензий на самобытность. А. В. Юревич с беспощадной честностью пишет о том, что в условиях современности «отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т. д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику»³. А. В. Юревич говорит о том, что отечественные ученые «как „интеллектуальные посредники“... играют очень важную и вполне творческую роль, однако, свое традиционное предназначение в качестве производителей нового знания они начинают утрачивать. И это — возможно, главный

результат „адаптации“ отечественной социогуманитарной науки к тому социальному контексту, который сложился в современной России»⁴.

Таким образом, отечественное профессиональное сообщество и каждый из его членов в отдельности стоят сегодня перед выбором:

- Принять роль представителей «развивающейся» провинции мировой науки. Встав на «догоняющий» путь развития, «повторять хвосты» западной науки (используя выражение А. В. Юревича⁵). При этом теоретико-методологическое наследие российской психологии советского периода с неизбежностью ждет судьба артефактов умершей цивилизации.
- Приняв роль наследников советской психологии, перетолковать и перекроить это «наследство» по образу и подобию западной науки, акцентируя сходства и параллели. В отношении таких достаточно распространенных сегодня попыток актуально звучат слова Л. С. Выготского об опасности построения научных систем, претендующих на статус обобщающих по отношению к отдельным школам и дисциплинам: «При таких попытках приходится просто закрывать глаза на противоречащие факты, опускать без внимания огромнейшие области, капитальные принципы и вносить чудовищные искажения в... сводимые воедино системы»⁶. Эклектические системы плохи тем, что в их контексте знания уже не являются проверяемыми и рациональными, но становятся вопросом веры и интерпретации, т. е. эти системы уже не являются научными в строгом смысле.
- Обозначить самобытный содержательный образ, акцентировать полемический потенциал российской психологической школы, сложившейся в советский период, по отношению к другим школам. Определить ее место в контексте мировой науки, открыв этим возможность существования и развития соответствующей теории и методологии как самостоятельного направления, которое в принципе не может быть сведено ни к одной из принятых за рубежом теорий.

Третий путь — самый сложный, но только он обеспечит для отечественной науки возможность стать полноценной частью единого контекста мировой психологии, который формируется на наших глазах, ибо *«цельность в науке — это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов»*⁷.

Основопологающим моментом и первым шагом в этом плане представляется самоопределение отечественной психологии в контексте мировой психологической науки, которое должно стать основой интеграции отечественной теории и методологии в мировую науку. Именно в решении этой насущной задачи современного периода в развитии российской психологии может существенно помочь нам методология Б. Г. Ананьева. Во-первых, в этой методологии ярко воплотились специфические особенности отечественной психологической школы, отличающие отечественную психологию от других направлений мировой науки, составляющие ее своеобразие. Во-вторых, методология Б. Г. Ананьева в максимальной степени обращена как раз к тем задачам, которые на рубеже XXI в. актуальны для мировой науки. Более того, в трудах Б. Г. Ананьева предлагаются конструктивные подходы к решению вопросов, широко обсуждаемых в современной зарубежной психологии.

Действительно ли отечественная психология советского периода является самобытной школой? Представляется, что есть основания считать ее одной из великих школ XX в., школой, которая обладает уникальной изошренной методологией и теорией и потрясающим опытом экспериментирования и эмпирических доказательств. При условии полноценной интеграции, при обеспечении необходимой герменевтики, достижения советской психологии в период ее развития за железным занавесом по широкому

кругу проблем могут существенно обогатить современную интернациональную науку, повлиять на ее будущее.

Специфичность методологических принципов и подходов отечественной школы составляет уникальная, сложившаяся исторически в силу социокультурных особенностей России, обусловленная достижениями российской физиологической науки рубежа XIX–XX вв. традиция четкого различения и противопоставления социального и биологического в человеке. Традиция рассмотрения социализации, прежде всего, как запрета природного и естественного поведения, подход к культуре как к силе, выводящей человека за пределы власти законов природы. Традиция подлинно диалектического подхода к проблеме человеческого развития, когда последнее понимается как разрешение внутренних противоречий, заложенных в самой биосоциальной природе человека, а не являющихся результатом каких-либо дефектов социального окружения. Такой подход радикально отличается от присущего западной науке XX в.

Основу отечественного подхода составило открытие И. М. Сеченовым центрального торможения как механизма задержки непосредственной реакции индивида на воздействие среды. Понятие центрального торможения позволило материалистически объяснить произвольность человеческого поведения, «способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам, с тем, чтобы следовать собственной программе»⁸. Большое значение для понимания закономерностей человеческого поведения имело открытие Павловым второй сигнальной системы. Слово как особый вид социально-условного сигнала становится главным регулятором человеческой психики, подчиняя человеческое поведение и сознание уже не законам природы, а социуму и запечатленной в языке культуре. «Учение о борьбе за существование, — писал К. А. Тимирязев, — останавливается на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека — одна борьба — с борьбой за существование»⁹.

Подход к социальному как к силе, отменяющей биологическую детерминацию поведения человека, ярко проявляется в работах классиков отечественной психологии. В. А. Вагнер, основоположник отечественной сравнительной психологии, усматривает зачатки разумного поведения у животных именно в их способности действовать вопреки инстинкту: «О способности разума до известных пределов подавлять деятельность инстинктивную у животных нам свидетельствуют многочисленные факты»¹⁰. У человека социальная детерминация психики выступает как сила, противостоящая инстинктам, «способности разумные подавляют инстинкты тем легче... чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит»¹¹. Вагнер трактует человека как существо, находящееся в едином ряду с другими живыми организмами, но в то же время качественно отличное от других. Человеческая природа содержит в себе противопоставление, противоречие как источник внутреннего развития: «на земле человек только один, пользуясь силою своих разумных способностей, преступил железный закон отбора, противопоставил силе биологических законов силу законов социальных»¹².

Диалектическое представление о биосоциальной природе человека, которое развивалось отечественной школой в условиях специфического социального заказа, во многом является уникальным и радикально отличным от представлений об «естественном» человеке, от природы наделенном общечеловеческими ценностями и добродетелями. Подобный взгляд лежит в основании большинства классических зарубежных теорий, в которых преимущественное значение придается фактору наследственности, а инстинкт традиционно рассматривается как основание человеческого поведения¹³. В основе представлений о природе человека, развитых в отечественной психологии, восходящее к теории К. Маркса парадоксальное соединение подлинно естественнонаучного подхода и социоцентризма.

Диалектическое понимание природы человека воплощено, например, в концепции эволюционного развития человека Б. Ф. Поршнева¹⁴. «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического»¹⁵ — парадокс, который он заявляет. Решение основано на идее инверсии, когда некоторое качество дважды превращается в свою противоположность, подпадая под формулу Фейербаха «выворачивание вывернутого». Возникновение человека, следуя этой логике, Б. Ф. Поршнев представляет как «перевертывание» животной природы в такую, с какой люди начали свою историю. Затем начинается собственно человеческая история, которая может быть представлена как «перевертывание» природы этого промежуточного звена: «на заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным типом, но и представлял его противоположность. Только если понимать дело так, между этими полюсами протягивается действительная, а не декларируемая словоесно дорога развития»¹⁶.

Полемический потенциал методологии Б. Г. Ананьева по отношению к популярным зарубежным концепциям. Диалектическое понимание природы человека ярко воплощено в трудах Б. Г. Ананьева. Возможно, именно полемически заостренный, «неудобный» для подстройки под чужой лад, под логику популярных зарубежных концепций, характер положений Б. Г. Ананьева является причиной того, что в современной российской науке, несмотря на частое упоминание имени, работы ученого цитируются исчезающе мало, а пересказ их содержания изобилует грубыми искажениями.

Искажения эти часто преследуют «благую» с точки зрения тех, кто их вносит, цель: пригладить острые углы, замаскировать противоречие положений Б. Г. Ананьева другим теориям. В то же время, Б. Г. Ананьев последовательно парадоксален — в плане соединения социоцентризма и естественнонаучности — и полемичен. В его работах всегда четко очерчена дихотомия: за что и против чего он выступает. С позиций страстного спора с противниками построена монография «Сенсорно-перцептивная организация человека»: «Широко распространенное... представление о том, что сенсорно-перцептивные процессы относятся к низшим психическим функциям, и, составляя как бы периферию субъекта, не входят в его основную структуру и индифферентны к личности, надо признать безнадежно устаревшим»¹⁷ — утверждает Б. Г. Ананьев на первых страницах монографии и последовательно, шаг за шагом, разрушает положения своих оппонентов.

Полемически заострены и сужены значения понятий «личность», «субъект деятельности», «индивидуальность» в самой его известной концепции человеческого развития — так называемой «концепции индивидуальности»¹⁸. Напомним, что человек в понимании Б. Г. Ананьева является продуктом индивидуально-психического развития, которое выступает в трех подчеркнутах разведенных планах:

- онтогенетической эволюции психофизиологических функций индивида;
- становления деятельности и истории развития человека как субъекта труда, познания и общения;
- жизненного пути человека — истории личности.

Понятие «индивид» Б. Г. Ананьев использует в узком и четко определенном значении: для обозначения человека в системе его связей с природой. Индивид — человек как продукт биологической эволюции, как представитель вида *Homo sapiens*, как естественный индивид с присущей ему генетической программой и диапазоном фенотипической изменчивости.

Понятие «личность», столь же четко и узко здесь определяемое, относится к человеку в системе его отношений с обществом. Личность — человек как субъект и объект культурно-исторического процесса¹⁹.

В качестве «субъекта» человек предстает как производительная сила общества — субъект труда, общения, познания.

Различия в содержании понятий — индивид, личность, субъект деятельности — в данной концепции полемически заострены ценой очевидного сужения значений понятий, с целью показать, что процесс человеческого развития построен на взаимодействии различных, не слитых по своей природе начал. Единого закона человеческого развития просто нет, есть ряд относительно независимых факторов, влияние которых опосредуется и интегрируется индивидуальностью человека.

Полемический потенциал методологии Б. Г. Ананьева по отношению к популярным зарубежным концепциям проявляется прежде всего в следующих особенностях развиваемого им подхода:

- отрицание единого для всех людей, по сути видового, пути развития человека;
- отсутствие в его концепции возможности наличия «общечеловеческих ценностей», каких-либо общих форм идеалов человеческого развития.

В центре внимания зарубежных научных школ XX в. — исследование конституционально заложенных свойств личности. Развитие человека рассматривается здесь преимущественно либо как реализация индивидуальной программы от начала жизни до наступления зрелости, либо как разворачивание уже имеющихся в зачатке личностных структур в процессе адаптации сложившейся в основном личности к социуму в зрелом возрасте. В соответствии со сложившейся традицией, зарубежные исследователи исходят из того, что имеет место единая программа развития — природная, т. е. видовая в своей основе, а среда лишь более или менее травмирующим образом влияет на реализацию этой программы. Представители направлений, например, гуманистической психологии, придающие важнейшее значение социальной природе человека и его творческой активности, не являются в этом отношении исключением.

Так, Э. Фромм в своей типологии социальных характеров исходит из того, что существуют природные истинно человеческие свойства, прогрессивное развитие которых приводит к формированию гармоничной личности, в плодотворной творческой деятельности реализующей и развивающей свои способности и тем счастливой. Влияние же социума в его теории, по сути, сводится к искажению истинно человеческой природы в том или ином направлении и в той или иной степени.

Э. Эриксон описывает жизнь человека как последовательное прохождение восьми стадий психосоциального развития, присущих самой природе человека. В силу средовых условий каждая из этих стадий может быть пройдена успешно или неуспешно, неправильно. Неправильное прохождение любой из стадий приводит к определенным личностным деформациям.

А. Маслоу, хотя и подчеркивает творческий потенциал человека, по сути, тоже ограничивает личность заданными природой рамками — восхождением по пяти ступеням единственно возможной для человека известной иерархии потребностей.

В американской психологической энциклопедии²⁰ все теории возрастного развития человека делятся на две группы: ориентированные на механистические принципы и ориентированные на принципы функционирования организма. Механистические теории отличаются следующими общими чертами:

Личность человека понимается как результат либо биологической наследственности, либо средовых влияний.

Человек рассматривается как в общем пассивное существо, активность которого направляется либо внутренними, биологическими силами, либо внешними влияниями.

Развитие представлено как непрерывный процесс, состоящий из мельчайших отдельных этапов, которые могут быть количественно измерены.

К механистическим теориям в энциклопедии отнесены генетические (Гезелл, Игл, Эймс), этологические (Лоренц, Тинберген), теории обучения (Скиннер, Бандура, Биджоу, Баэр, Бронфенбреннер и Мишел). В эту же группу включены комбинированные теории: этолого-психоаналитические (Боулби, Айнсворт) и обучающе-психоаналитические (Миллер, Доллард).

К организменным теориям отнесены психоаналитические (Фрейд, Юнг, Адлер, Эрикссон, Фромм), когнитивные (Пиаже, Элкинд), гуманистические (Бюлер, Маслоу, Роджерс) и органические (Вернер).

Авторы теорий организменного направления исходят из следующих общих принципов:

Личность представляет собой результат взаимодействия индивида со средой.

Развитие личности, выбор направления развития определяются в основном самим субъектом.

Развитие может быть представлено как инвариантная, общая для всех субъектов последовательность стадий, которые качественным образом различаются между собой.

Таким образом, в обеих выделяемых группах теорий западной психологии доминирует представление о единой логике развития человека, воплощенной в законах онтогенеза. Единая закономерная последовательность этапов этого развития, наряду с представлением о наличии так называемых общечеловеческих ценностей, лишает личность подлинной индивидуальности. Индивидуальность сводится здесь к индивидуальным различиям в выраженности тех или иных качеств. Можно отметить, что парадоксальным образом в западной психологии, с ее культом индивидуализма, индивидуальная свобода приобретает статус эпифеномена, оказывается свободой в выборе средств, но не целей.

Индивидуальность как вектор человеческого развития в теории Б. Г. Ананьева. В теории Б. Г. Ананьева представлен совсем иной взгляд на природу человека. Следует признать, что здесь отсутствует представление о едином для всех пути развития и его законе. Вместо представлений об общем пути Б. Г. Ананьев вводит понятие индивидуальности. Индивидуальность определяет вектор, путь и направление развития. Индивидуальность изначально присутствует и проявляет себя, преломляя и соединяя ряд программ:

- биологически наследуемую (определяющую онтогенез индивида),
- фиксированную в культуре (намечающую жизненный путь личности),
- программу становления субъекта деятельности, которая заложена в цивилизационных компонентах воспитания.

В зрелом возрасте индивидуальность становится доминирующим контуром регулирования индивидуального развития.

Характеристики человека как индивида. Б. Г. Ананьев выделяет два класса *первичных* индивидуальных свойств:

- а) возрастно-половые свойства;
- б) индивидуально-типические свойства. К ним относятся конституциональные особенности (телосложение и биохимическая индивидуальность), нейродинамические свойства

мозга, особенности функциональной геометрии больших полушарий (симметрии — асимметрии парных рецепторов и эффекторов).

Взаимодействие первичных свойств определяет *вторичные* индивидуальные свойства:

а) динамику психофизиологических функций;

б) структуру органических потребностей.

Высшая интеграция индивидуальных свойств представлена в *темпераменте* и *задатках*.

Основная форма развития индивидуальных свойств — онтогенетическая эволюция, которая осуществляется по определенной филогенетической (видовой) программе. Данная программа не остается неизменной, но постоянно модифицируется под воздействием фактора индивидуальной изменчивости, диапазон которой непрерывно растет как в процессе социальной истории человечества так и в процессе индивидуального онтогенеза как результат активного воздействия социальных свойств личности на характеристики индивида.

Характеристики человека как личности. Исходным моментом структурно-динамических свойств личности является ее *статус* в обществе, т. е. особенности ее экономического, правового, политического положения, и статус общности (группы, субкультуры), в которой складывается и формируется данная личность. На основе статуса строятся в процессе воспитания системы *общественных функций* — *ролей* и *целей* и *ценностных ориентаций*.

Первичные личностные свойства: статус, роли и ценностные ориентации, — складываются вначале как бы вовне личности, в системе ее взаимодействия с социальным окружением, и интериорируются в процессе социализации. На основе первичных личностных свойств формируются *вторичные*: *мотивация* и *структура общественного поведения*.

Высшая интеграция личностных свойств *характер* человека и его *склонности*. Основная форма развития личности — жизненный путь человека, его социальная биография.

В отличие от большинства отечественных психологов, Ананьев рассматривает социальную детерминацию личности не абстрактно, а использует для этого конкретные социологические категории: определяя, подобно другим отечественным авторам, личность как общественного индивида, Б. Г. Ананьев конкретизирует это определение через социальные ситуации ее развития: статус, образ жизни, роли и др.

Основные характеристики человека как субъекта деятельности. Исходными характеристиками человека в этой сфере являются сознание (как отражение объективной действительности) и деятельность (как преобразование действительности). Человек как субъект характеризуется не только собственными свойствами, но и знаниями, умениями, а также техническими средствами труда. Высшей интеграцией субъектных свойств является творчество человека, а наиболее обобщенными эффектами (а вместе с тем потенциалами) — способности и талант. Основная форма развития субъектных свойств — история производственной деятельности человека в обществе, начиная с ранних стадий подготовки и обучения.

Центральное место в концепции Б. Г. Ананьева занимает понятие индивидуальности. В научном сообществе закрепилось название «теория индивидуальности» за его учением. Индивидуальность по Ананьеву — это не просто индивидуальное своеобразие, уникальность личности, отличие человека от других. Б. Г. Ананьев называет индивидуальностью целостное единство всех уровней организации человека, которое является результатом слияния натурального и культурного развития человека. Индивидуальность придает личности свойство целостности, обеспечивает саморегуляцию и стабилизацию психофизиологических функций, взаимосвязь тенденций и потенциалов человека. К проявлениям индивидуальности относятся самосознание, Я-концепция, индивидуальный стиль деятельности.

Легко заметить, что в данной концепции для подструктур индивида, личности или субъекта исходными являются непсихологические категории. Б. Г. Ананьев выводит подструктуру индивида из биологических свойств человека, личность — из конкретно социологических характеристик, субъекта — из материальной базы, созданной цивилизацией. Вид, социум, цивилизация как бы прорастают в человека, формируя его психику, каждый в соответствии со своими законами. И только индивидуальность по своей природе — явление психическое, интегративная суть и ядро человеческой психики, вектор и закон развития человека. Иными словами, от рождения человек наследует ряд программ развития: видовую, заложенную в его генотипе, культурные и обучающие программы, носителем которых является общество. Основным направлением процесса индивидуального развития в теории Б. Г. Ананьева является интеграция, согласование этих различных по своему происхождению программ в единое гармоничное целое — структуру индивидуальности, в которой воплощается единство всех уровней организации человека. Индивидуальность, по Б. Г. Ананьеву, представляет собой, прежде всего, гармонию частей и свойств человека, их согласованное единство, достижение личностью высшего уровня развития, гармонического соответствия своей сущности и самой своей жизни.

Человек в теории Б. Г. Ананьева выступает как, во-первых, исторически конкретный тип, специфический по своей психической организации в различные моменты истории, во-вторых, как самодетерминирующийся творец самого себя. От самодетерминации человека оказываются зависимыми не только уровень достигаемого развития (что является обычным для западных концепций), но и направления и формы развития.

В процессе индивидуального развития взаимодействие биологических и социальных факторов порождает внутренние противоречия, которые и оказываются движущими силами индивидуального развития. Эти противоречия рассматриваются на уровне психических процессов, в структуре которых Б. Г. Ананьев выделяет функциональные, операциональные и мотивационные компоненты (механизмы).

Развитие функциональных механизмов подчиняется законам онтогенеза. Операциональные механизмы развиваются в результате освоения культурно-исторического опыта человечества. Противоречие между природными психофизиологическими функциями и социальными операциями в структуре психического процесса разрешается путем тренировки и структурирования созревающих функций в соответствии с общественно выработанными способами действия, таким образом, направление развития функций определяется содержанием деятельности человека и его социальным поведением.

Индивидуализацию в данном случае он рассматривает как важнейшую закономерность онтогенетического развития человека: «весьма важным направлением влияния жизненного пути (биографии) человека на его онтогенетическую эволюцию является все возрастающая индивидуализация этой эволюции»²¹.

Ананьев приходит к выводу, что развитие действительно есть возрастающая по масштабам и уровням интеграция — образование крупных «блоков», систем или структур, синтез которых в определенный момент жизни человека выступает как наиболее общая структура его личности. Но одновременно, по мнению ученого, развитие личности есть и все возрастающая дифференциация ее психофизиологических функций, процессов, состояний и личностных свойств, соразмерная прогрессирующей интеграции т. е. существуют конвергентные и дивергентные отношения между дифференциацией и интеграцией.

Б. Г. Ананьев сформулировал положение о двухфазном характере человеческого развития на протяжении жизни. Границы первой фазы простираются от рождения до достижения биологической зрелости. Основную роль играют в этот период законы онтогенеза²². От первой фазы радикально отличается вторая, длаящаяся от наступления зрелости

и до конца жизни. Эту фазу Б. Г. Ананьев назвал фазой специализации и индивидуализации. Здесь нет уже главенства единой видовой программы развития человека, точнее, развитие это как раз обеспечено постольку, поскольку в человеке активизированы силы, противостоящие видовой программе. В связи с этим Ананьев говорит о дивергентном и конвергентном типах развития.

Конвергентный тип характеризуется тотальным снижением функций по мере старения, что имеет место в случае, когда в течение жизни не достаточно сформированы операциональные и мотивационные механизмы психики. В случае дивергентного типа старения эти механизмы обеспечивают стабилизацию психофизиологических функций и даже их прогрессивное развитие, которое выражается в наличии оптимумов функций в поздних возрастах, за пределами сроков биологического созревания.

Б. Г. Ананьевым и его сотрудниками в широкомасштабных экспериментах продемонстрированы удивительные эффекты индивидуализации онтогенеза психофизиологических функций, в первую очередь, сенсорно-перцептивных, в результате особенностей жизненного пути личности и становления субъекта профессиональной деятельности, описанные, в частности, в монографиях «Теория ощущений», «Сенсорно-перцептивная организация человека» и др. Здесь представлены как многочисленные примеры общей задержки старения функций, используемых в процессе социально значимых видов деятельности, так и примеры специфического развития в соответствии с требованиями профессии.

Именно индивидуализация, нарастание индивидуального своеобразия — основной механизм человеческого развития и его показатель для Б. Г. Ананьева. В соответствии с концепцией Ананьева, индивидуальное своеобразие нарастает по мере взросления и служит показателем общего уровня развития, в том числе, способностей. Особое значение в обеспечении индивидуализации придается механизмам билатерального регулирования. Мера билатеральной асимметрии органов выступает в роли показателя уровня развития.

Таким образом, взгляд Б. Г. Ананьева на человеческое развитие и человеческую природу представляется глубоко и подлинно оригинальным в контексте подходов, развиваемых в зарубежной науке, не имеет там аналогов и обладает существенным polemическим потенциалом, обеспеченным мощной базой эмпирических доказательств.

Области исследований в зарубежной науке, в которых представляются высокоактуальными работы Б. Г. Ананьева. Теория Б. Г. Ананьева остается фактически неизвестной зарубежной научной общественности. Его имя не упоминается в современных зарубежных энциклопедических изданиях, реферативных журналах. То немногое из его работ, что переводилось на иностранные языки, не было в достаточной мере понято и оценено сообществом психологов в силу специфичности понятийного аппарата, использованного Б. Г. Ананьевым. Понятийный строй теории, круг обсуждаемых вопросов непосредственно не соотносятся с категориальным аппаратом современной зарубежной психологии, и, соответственно, эта теория не может быть воспринята и интегрирована иностранными учеными без специальных усилий. В то же время методология и теория Б. Г. Ананьева представляются плодотворными для постановки проблем в интенсивно развивающихся областях мировой психологической науки, при условии адекватного соотнесения используемых систем понятий. Среди таких областей исследований и актуальных вопросов можно назвать:

- Единство онтогенеза и жизненного пути в развитии человека (life-span human development);
- Анализ развития в отдельные возрастные периоды с позиций целостного контекста жизни субъекта;

- Возрастная динамика взрослости;
- Взаимосвязь характеристик личности и особенностей протекания психических процессов.

Проблемы взаимосвязи и взаимовлияния биологического и социального в развитии личности, занимавшие главное место в творчестве Б. Г. Ананьева, сегодня находятся в центре внимания интернациональной психологической науки, такого ее интенсивно развивающегося раздела, как *life-span human development*. Актуальность этой тематики показывают как соответствующие статьи в энциклопедических изданиях²³ и реферативных изданиях и периодике²⁴.

В работах Б. Г. Ананьева и его последователей сложился и воплощен в широкомасштабных экспериментах подход к исследованию закономерностей развития в отдельном жизненном периоде с позиций целостного контекста всей жизни субъекта. Интересно, что в уже упомянутой американской психологической энциклопедии идея объединения различных возрастных периодов психофизиологического развития в единый жизненный цикл характеризуется как новейшее достижение теоретической мысли²⁵.

В той же энциклопедии возрастная динамика взрослости охарактеризована как малоисследованная и остро актуальная научная проблема. Взрослость здесь традиционно представлена как период стабилизации, предшествующий старению. В зарубежной психологии понятие развития применяется при анализе психофизиологических функций в период взрослости лишь в смысле адаптации, приспособления в основном заданных структур к условиям существования. Б. Г. Ананьев рассматривал взрослость как период сложных динамических изменений во всех психофизиологических структурах человека.

Еще одна интенсивно развивающаяся область мировой науки, в которой методология Б. Г. Ананьева и результаты его исследований представляются высоко актуальными — это взаимосвязь характеристик личности и особенностей протекания психических процессов. В трудах «Сенсорно-перцептивная организация человека» и «Теория ощущений» представлены данные, не имеющие аналогов в мировой науке и до сих пор не утратившие актуальности. Заслуживает внимания взгляд Б. Г. Ананьева на проблему функциональной специализации человека и развития индивидуальных свойств в структуре субъекта деятельности. Функциональная специализация (специализированное развитие функций) здесь рассматривается как единственно возможный путь к общей стабилизации и гармонизации развития человека, путь к гармоничной и цельной структуре человеческих качеств, всегда индивидуально неповторимой. Подход Б. Г. Ананьева в отношении функциональной специализации диаметрально противоположен подходу, типичному для западной науки, которой воплощен, например, в концепции К. Г. Юнга. Юнг приходит к заключению: прогресс общества покупается ценой своего рода культурных увечий человеку, нарушения природного равновесия в нем различных способностей. Общество, по его мнению, добиваясь своего прогресса, использует человека в его профессиональной деятельности всегда односторонне, лишь определенная группа психических функций при этом оказывается задействованной — и развиваемой. К тому же, обычно востребованы как раз те функции, которые и от природы более сильны. Юнг полагает, что такое одностороннее развитие нарушает природную сбалансированность личности, порождает дисгармонию и страдания. «Как порабощение массы было открытой раной античного мира, так рабство неполноценных функций является неизлечимой кровавой раной в психическом современного человека»²⁶ — заключает К. Г. Юнг.

Вышесказанное позволяет утверждать, что в контексте зарубежных теорий работы Б. Г. Ананьева обладают максимально выраженным полемическим потенциалом. Именно

этот потенциал дает наилучшие возможности для формирования профессионального самосознания российских психологов в настоящее время, для самоидентификации отечественной науки в структуре мировой психологии путем осмысления специфичности нашей методологии в контексте других существующих в мировой науке методологических подходов, что обеспечит полноценную интеграцию в этот контекст методологии и теории отечественной школы.

Значение методологии Б. Г. Ананьева для решения насущных задач современного этапа развития отечественной науки. Еще два взаимосвязанных момента в методологии Б. Г. Ананьева представляются очень важными для решения насущных задач современного этапа развития отечественной науки. Во-первых, то, что в его исследованиях целостного развития человека воплощен объективный метод и, во-вторых, то, что труды Б. Г. Ананьева являются демонстрацией возможностей естественнонаучного подхода в психологии. В настоящее время становится повсеместным признание господства в современной отечественной психологии гуманитарной парадигмы. Такое одностороннее развитие российской науки, традиционно развивавшейся в русле естественнонаучного подхода, чревато рядом негативных последствий²⁷, в числе которых — утрата корней, разрыв с традициями отечественной школы советского периода. В ходе современных дискуссий на естественнонаучную парадигму обрушиваются обвинения, в корне несправедливые, такие как, например, невозможность обращения в русле этой парадигмы к изучению целостной личности, включенной в жизненный контекст. Труды Б. Г. Ананьева являются наглядным свидетельством того, что это не только возможно, но и успешно осуществилось.

В работах Б. Г. Ананьева в максимальной степени проявились такие присущие отечественной психологии отличительные особенности, как:

- Детерминизм во взгляде на становление человеческой индивидуальности, которая выступает в качестве закономерного итога развития человека с присущими ему природными свойствами в конкретной исторической ситуации;
- Объективный научный метод исследования индивидуальности, обязательное использование наряду с методами самонаблюдения методов экспериментальных и биографических;
- Рассмотрение в единстве личностных феноменов и организменных, понимание того, что человек — «это не только отношения, это *субстрат*, который живет по всем законам развития материи и который, включаясь в те или иные системы социальных отношений, изменяет свои собственные потенциалы»²⁸.

Таким образом, методология Б. Г. Ананьева представляется высоко актуальной и в решении проблем сбалансированности «внутренних» компонентов профессионального самосознания российских ученых. И, следует отметить, также нуждается в герменевтике для представления молодым поколениям специалистов, профессиональное становление которых проходит в ситуации, которая настраивает их на активное усвоение опыта, прежде всего, зарубежной психологии. Практика показывает, что для современных студентов язык, использованный в работах Б. Г. Ананьева, является трудно воспринимаемым. Понятийный строй этих работ существенно расходится не только с принятым в зарубежных изданиях, но и с тем строем, который характерен для современных отечественных изданий, и затрудняет непосредственное понимание смысла работ Ананьева молодыми психологами.

Все это заставляет сегодня говорить как о задаче особого значения — наряду с бережным сохранением памяти о личности Б. Г. Ананьева — о поиске новых прочтений

его работ, о вскрытии полемического потенциала, который в них имеется, для включения этих работ в живой контекст современной психологии — отечественной и мировой психологической науки в целом.

¹ У существенной части наших ученых существует определенное внутреннее сопротивление тому, чтобы воспринимать отечественную психологию как единую школу. Долгое время мы не воспринимали себя как школу, потому что мы считали себя чем-то большим, чем школа — вообще психологической наукой, внутри которой существуют школы Леонтьева, Ананьева, Мерлина и др. В определенной мере это общая тенденция, присущая развитию всех школ мировой науки в период затухания кризиса психологии. Однако в отечественной психологической науке эта тенденция проявилась с особой силой по причине выраженного парадигмального статуса нашей науки в советский период. Признание наличия парадигмы в советской психологии само по себе вызывает сильное сопротивление у существенной части старшего поколения отечественных психологов, привычно фиксирующих внимание на различиях между «внутренними» школами нашей науки и нежелающих за деревьями увидеть лес. Однако можно считать убедительно доказанным исследованиями ученых ИП РАН, что «Внутреннее единство и общность базовых оснований, сложившихся в советской психологии, позволяют нам рассматривать ее как целостную научную психологическую школу». Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1997. С. 101.

² Об этом так пишет А. В. Петровский: «Если до начала 30-х гг. все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года „великого перелома“ эти связи стали очень быстро истончаться. „Железный занавес“ опустился в середине 30-х гг., наглухо закрыв возможность включения трудов психологов, физиологов, социологов в контекст развития мировой науки... Только со второй половины 80-х гг. оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое табу, столько лет перекрывавшее путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки». *Петровский А. В.* Психология в России. XX век. М., 2000. С. 43–44.

³ *Юревич А. В.* Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту // М. Препринт WP6/2004/02. Серия WP6. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ *Юревич А. В.* Предисловие // Образ российской психологии в регионах страны и в мире. Материалы Форума. М., 2006.

⁶ *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 330.

⁷ *Васильюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003. С. 3.

⁸ *Юревич А. В.* Социальные и когнитивные источники парадокса // Образ российской психологии в регионах страны и в мире. Материалы Форума. М., 2006. С. 376.

⁹ *Тимирязев К. А.* Избранные сочинения: В 4 т. М., 1949. Т. 3. С. 596.

¹⁰ *Вагнер В. А.* Сравнительная психология. М.; Воронеж, 1998. С. 184.

¹¹ Там же. С. 185.

¹² Там же. С. 77.

¹³ *Миرونенко И. А.* О философских основаниях интеграции психологического знания // Философские науки. 2004. № 10. С. 65–77; *Миرونенко И. А.* Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. 2005. № 1. С. 88–94; *Миرونенко И. А.* Отечественная психологическая наука и вызов современности. СПб., 2007.

¹⁴ *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.

¹⁵ Там же. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 16–17.

¹⁷ *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977. С. 51.

¹⁸ *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968; *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.

¹⁹ Следует отметить, что понятие «личность» Б. Г. Ананьев использовал и в более традиционной трактовке, как обобщающее по отношению ко всем характеристикам и свойствам человека: индивидуальным, личностным и субъектным. Это обстоятельство часто вызывает затруднения в понимании его текстов.

²⁰ *Encyclopedia of Psychology / Ed. by R.J. Corsini.* Vol. 1–4. New York, 1994.

²¹ *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977. С. 165.

²² Не случайно различные возрастные периодизации так мало различаются в отношении выделяемых от 0 до 25 лет возрастов.

²³ Encyclopedia of Psychology / Ed. by R.J. Corsini. Vol. 1–4. New York, 1994, *Garai L.* Marxian personality psychology // Concise Encyclopedia of psychology. New York, 1987.

²⁴ *Papalia D. E., Olds S. W.* Human development. New York, 1995; *Rose R. J.* Genes and Human Behavior // Annual Review of Psychology. 1995. Vol. 46; *Sanrock J. W.* Life-span development. Dubuque, 1997; *Scarr S.* Developmental theories of the 1990s: development and individual differences // Child Development. 1992. Vol. 63; The developmental psychologists: Research adventures across the life-span / Ed. by M. R. Merrens, G. G. Brannigan. New York, 1996.

²⁵ Encyclopedia of Psychology / Ed. by R.J. Corsini. Vol. 1–4. New York, 1994. P. 166–170.

²⁶ *Юревич А. В.* Социальные и когнитивные источники парадокса // Образ российской психологии в регионах страны и в мире. Материалы Форума. М., 2006. С. 108.

²⁷ *Юревич А. В.* Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или раскачанный маятник // Вопросы психологии. 2005, № 2. С. 147–151; *Мироненко И. А.* Континуум или разрыв? // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 105–111.

²⁸ *Ананьев Б. Г.* Выступление на обсуждении книги «Человек как предмет познания». Л., 1983. С. 264.